

УДК 81'34

ШВАБСКИЙ ДИАЛЕКТ В КРЫМУ: ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В. М. Бухаров¹, О. В. Байкова²

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики в Нижнем Новгороде¹
Вятский государственный университет²

Описывается фонетическая подсистема швабских диалектов Крыма в условиях многократных переселений населения и смешения с другими диалектами. Реконструируется структура дифтонгов в сопоставлении с современным швабским диалектом Германии в синхронном и диахронном аспекте

Ключевые слова: языковой остров, швабский диалект, признаки диалекта, дифтонги, взаимовлияние диалектов.

Появление швабского диалекта на Юге Украины и в Крыму связано с тем, что они заселялись преимущественно выходцами из южно-немецких регионов Германии с севера и юго-запада земли Баден-Вюртемберг, говорившими на швабском и южно-франкском диалектах. Они расселились по Молдавской республике, Одесскому и Николаевскому округам и большинству колоний Крыма – в Симферопольском, Феодосийском районах, Судаче и др. В результате появились формы языка, которые В.М. Жирмунский определил как франко-швабские смешанные говоры [3: 201].

Трагические события сороковых годов прошлого столетия имели следствием разрушение языковой ситуации, сложившейся за годы после переселения немцев в Россию. Процесс их депортации проходил поспешно, и никто не обращал внимания на культурные, религиозные и языковые связи тех или иных групп немецкого населения. В результате принудительного переселения и неоднократной смены мест проживания усилились процессы взаимодействия диалектов и возникли предпосылки для формирования диалектов с более широкой, чем их историческая, основой. Проследить пути перемещения немцев, например, из конкретных поселений Крыма является задачей почти невыполнимой. В принципе в этом нет необходимости для лингвистического исследования. Будучи средством общения разнородных по происхождению сообществ, язык запускает процессы унификации и сглаживания различий, и поэтому для описания фонетической системы какого-либо диалекта необходимо найти лиц, идентифицирующих себя с данным диалектом, где бы они ни проживали, либо описания их речевой практики в специальной литературе. Учитывая то обстоятельство, что в конце прошлого, начале нынешнего столетия наблюдался массовый переезд немцев на их историческую родину, и их новая языковая ассимиляция возникла уже под влиянием стандарта, представляется наиболее перспективным воспользоваться лингвистическими материалами, содержащимися в специальной научной литературе и интернете.

В качестве материала для описания фонетической системы швабского диалекта, первоначально распространённого на юге России и, прежде всего, в

Крыму и его сопоставления с современным состоянием этого диалекта в Германии для оценки тенденции развития были использованы следующие материалы:

1. Списки слов и фраз из работы П. Розенберга на франкском и швабском диалектах в российских диалектных островах (около 1100 лексических единиц) [6].

2. Списки лексических единиц из работы Г.М. Егембердиевой по описанию швабского диалекта немцев, проживавших в конце XX столетия в Казахстане в Павлодаре и Павлодарской области и ассоциирующих себя со швабским диалектом [2].

3. Списки слов из проекта «Schwäbisch oder fränkisch?» (Швабский или франкский?). Регион Хайлбронн, север земли Баден-Вюртемберг [4].

4. Транскрипты текстов на швабском диалекте В. Незера [5] и материалы с сайта «Schwäbisch schwätza» («Говорим на швабском») общим объемом около 1000 лексических единиц [7].

Данный материал позволяет рассмотреть изменения, произошедшие в швабском диалекте этнических немцев в результате принудительных переселений с юга России и из Крыма на Северный Кавказ, а затем в Сибирь и Казахстан в 30-е – 40-е годы XX столетия; оценить эти изменения с точки зрения взаимодействия различных диалектов – в первую очередь швабского и франкского – в рамках новых диалектных островов СНГ и сопоставить эти изменения с процессами, характерными для основного ареала распространения швабского диалекта на юге Германии.

Фонетические процессы в швабском диалекте Крыма во второй половине XX века

В описаниях фонетических особенностей южнонемецких диалектов, в том числе и в российских диалектных островах, особое внимание обычно уделяется дифтонгам. Для этого имеются, как минимум, два основания. Во-первых, становление системы из трех современных стандартных немецких дифтонгов [ae],[ao],[ɔø] является одним из самых поздних событий в истории немецкого вокализма. Его связывают с ранненововерхнемецким периодом, то есть с периодом, фактически совпавшим с началом основной волны переселения немцев из Германии в Россию, и оно вряд ли может считаться к этому моменту законченным во всех региональных вариантах немецкого языка. И, во-вторых, что, пожалуй, является наиболее важным, дифтонги относятся в любой вокалической системе к нестабильным звуковым комплексам. В их основе лежит скольжение органов артикуляции, которое в принципе присуще реализации любого гласного звука в речевом потоке. Скользящая артикуляция обусловлена функцией образования слоговых вершин в языках с динамическим, квантитативным и музыкальным (тональным) ударением или их комбинацией. Гласные в консонантном окружении соединяют относительно стабильные артикуляционные уклады согласных сегментов в речевой цепи и подвержены позиционным изменениям вследствие инертности органов артикуляции. Не случайно любая система транскрипции содержит диакритические знаки, число которых не меньше количества обозначений собственно гласных

звук. Большинство из них используется для передачи позиционного варьирования гласных, которое в силу различных обстоятельств не нашло отражения в буквенной графике. Скольжение артикуляционной установки гласных звуков может достигать такой силы, что долгие монофтонги могут получить завершение в виде шва (*shwa*) [ə], который нередко развивается дальше, и происходит то, что в исторической фонетике получило название дифтонгизации. Появление дифтонгов нарушает равновесие в системе, что неизбежно приводит к обратному процессу – монофтонгизации.

Если рассмотреть с этой точки зрения известный ряд диахронических изменений в немецком языке: [ia>iə>i:] – на письме: ia>ie>i / ie / ieh или [ua>ue>u:] (шваб. *dia, biag>die, biege>совр. нем. die, biegen* или шваб. *guad, duad, bruadr>gued, dued, bruedr>совр. нем. gut, tut, Bruder*), то в нем можно увидеть кроме чисто фонетических изменений процесс завершения фонеморфологической перестройки, начало которой положил германский акцент и вызванная им, начиная с IX–X столетий, редуция безударных гласных. Качественное изменение финального ослабленного компонента древних дифтонгов до шва [ə] совпало с фонеморфологической перестройкой, в результате которой было нормировано распределение открытых и закрытых слогов, отразившееся затем в орфографии. Например, личное местоимение ж. р., ед. ч. «sie» имело в готском формуим. п. «si» с кратким гласным в открытом слоге, в двн. с долгим – «sī», в древнесаксонском с дифтонгом «siu». Винительный падеж имел дифтонг «sia» как в двн., так и в дс. Редуция привела к ослаблению безударного компонента старого немецкого дифтонга «sia>sie» и дальнейшей апокопе шва >[i:], то есть слиянию в рнвн. форм «sī» и «sie»>[si:]. Использование буквы «e», обозначающей второй редуцированный компонент дифтонгов стало излишним, и её начали использовать для обозначения долготы гласных монофтонгов в открытом слоге, в том числе по аналогии также и в слогах, где дифтонгов раньше не было. Этот процесс монофтонгизации совпал по времени со становлением норм длительности гласных, зависящей от структуры слога.

Противоположный процесс наблюдается в случаях, если в открытых слогах во всех формах одного и того же слова присутствовал долгий гласный [i:], например, в форме конъюнктива «sī» от «sī». В этих случаях происходило замещение долгих гласных широким дифтонгом [ae]. Таким образом, нормирование долготы и краткости немецких гласных коррелирует с процессами отпадения старых и возникновения новых дифтонгов. Всё это является указанием на то, что изменения в сфере старых немецких, в том числе и швабских дифтонгов, в российских языковых островах является результатом не только простого взаимодействия различных диалектов в рамках языкового острова, но и продолжением процесса, запущенного еще в протогерманскую эпоху германским акцентом. Можно привести ряд примеров изменений старых швабских дифтонгов. Например, дифтонг [ui]. В отдельных случаях его редуцированная форма [ui]>[uə] сохранилась в швабском диалекте до настоящего времени: [bruədr, duəd] (*Bruder, tut*). Однако, если редуцированные формы образовывали дуплеты как в местоимениях [sia, nia]>[suə, nuə]//[sie>nie], предпочтение отдавалось долгим монофтонгам [zi:]. Таким образом, в языковом острове, оторванном от основного ареала, можно наблюдать как процессы системного

продолжения изменений, присущих каждому базовому диалекту, так и их взаимодействие.

Полевые исследования В.М. Жирмунского на юге России и в Крыму выявили наличие отдельных процессов сближения швабских и южно-франкских говоров. Так, например, он отмечал отпадение некоторых первичных диалектных признаков швабского [3: 201]. В частности, старые швабские дифтонги [iə, uə] заменились долгими гласными [li:b, mi:d, gu:d], т.е. монофтонгировались, как в других территориально смежных с ними диалектах. Влиянием франкских диалектов можно, видимо, объяснить замену швабского дифтонга [ao] долгим [a:], расширение гласных перед [r]: [kurts>korts>ka^orts] и др.

Таким образом, сопоставляя данные по швабским диалектам, зафиксированные В.М. Жирмунским в Крыму и на юге России в первой половине XX века, с южнонемецкими диалектами можно констатировать, что швабские диалекты в России сохраняли старые дифтонги [ia, ua, ui] и их редуцированные варианты [ie, ue]. Монофтонгизация старых дифтонгов под влиянием южно-франкских диалектов еще не получила широкого распространения в языке российских швабов.

Учитывая характер социальных и геополитических условий, в которых существовал немецкий язык в середине прошлого столетия в СССР, можно было ожидать стагнации его форм, вплоть до превращения в пиджин и исчезновения. В действительности многочисленные описания различных диалектов свидетельствуют о существенных изменениях в их системах на всех языковых уровнях. Для того, чтобы проследить тенденции в развитии фонетической системы немецкого языка в ситуации языкового острова, в частности швабского диалекта Крыма, необходимо рассмотреть материалы как минимум в трех точках: исходное состояние – начало XX столетия, описанное Л.В. Жирмунским, состояние швабского диалекта в тех регионах СНГ, где он еще сохранился в конце столетия – прежде всего Казахстан и сопоставить эти данные с описаниями современного швабского диалекта в Германии, а также диалектов, находившихся определенное время с ним в контакте в России, таких как южно-франкский.

Дифтонги в швабском диалектном острове

Особую сложность в описании звукового состава диалектов представляет то, что они описаны чаще всего без использования стандартных транскрипционных систем, и поэтому обозначения звуков у разных авторов может не совпадать. В статье используются буквенные обозначения, близкие к транскрипционным знакам. При этом стандартные скобки [] используются только в случае, если акустико-артикуляторные признаки звуков известны абсолютно точно. В иных случаях используются скобки < > и буквы обычного алфавита.

В.М. Жирмунский, описывая в начале XX столетия фонетическую систему немецких диалектов в России, выделил ряд характерных для любого диалекта признаков. Эти признаки он разделил на две группы по степени их отклонения от нормы литературного языка. Фонетические характеристики, максимально отклоняющиеся от нормы, он называл первичными, меньшие отклонения – вторичными. При этом он отмечал, что это деление не может носить объективного характера [3: 188–190]. Это справедливо, поскольку сте-

пень отклонения от нормы не имеет точного измерения, более того, сама норма – понятие нестабильное, она находится в постоянном изменении и развитии (см., например, [1]). С момента первого описания вокалической системы швабского диалекта в Крыму прошло почти 100 лет, сменилось несколько поколений, и уже тогда, в 20-е годы прошлого столетия, исследователи были вынуждены обращаться к представителям «старого поколения» для реконструкции тех или иных звуковых форм [3: 192]. Современное «старое поколение» вряд ли может дать какую-то существенную дополнительную информацию о происхождении тех или иных звуковых форм, поэтому за исходную точку исследования можно взять описание, сделанное В.М. Жирмунским, и проследить динамику изменений в островных диалектах до конца XX столетия в сопоставлении с системой современного швабского диалекта в Германии.

К числу первичных признаков швабских диалектов юга России и Крыма В.М. Жирмунский относил дифтонги, являющиеся результатом дифтонгизации гласных [o:, e:, iu (y), ä] и лабиализации старого дифтонга [ei]: [ae, ao, ui, äü, oe]. В качестве вторичных признаков он рассматривал старые дифтонги [uo, ie, ue] и дифтонгизированные долгие гласные [u:, i:]>[эу, эи]. Анализ источников показал наличие в швабском диалекте еще нескольких дифтонгов: [ou, oi, au, ai]. Эти дифтонги сейчас вряд ли можно рассматривать как отклонение от нормы, а скорее – как приближение к ней.

Ответ на вопрос о судьбе швабского диалекта Крыма, разбросанного во время войны и послевоенное время по разным диалектным островам СССР, России и СНГ, является во многом гипотетическим, поскольку диалект либо оказался под сильным влиянием других диалектов и русского языка и фактически ушел из большинства сфер общения, либо говорившие на нем люди уехали в Германию. Получить ответ можно, рассмотрев функционирование исследуемых языковых единиц – дифтонгов – на территории России и Казахстана, описанное в доступных источниках, в сопоставлении с современным швабским диалектом в Германии.

Анализ различных источников описания швабского диалекта позволил установить характеристики и специфику функционирования дифтонгов в его фонетической системе. В основу анализа и систематизации положено разделение характеристик дифтонгов на первичные и вторичные, предложенное В.М. Жирмунским.

Дифтонги <ao> и <ae>. Этимологически они считаются результатом дифтонгизации долгих гласных [o:] и [e:]. В.М. Жирмунский приводит в качестве примеров зафиксированные им швабские слова: *graos*, *haoch* и *baes*, *schnae* (*groß*, *hoch*, *böse*, *Schnee*) [3: 191]. Для сопоставления можно привести древние верхненемецкие формы этих слов: двн., свн. *groz*, *ho(ch)*; двн. *bosi*>свн. *boese*>нвн. *böse*; русск. *sneg*>двн. *sneo*>свн. *sne*>нвн. *Schnee*. В современных источниках, справочниках и словарях эти дифтонги в швабском диалекте отсутствуют: *groß* или *grauß* а не *graos*; *Greesche* (*Größe*), *Hochzich* (*Hochzeit*), *neddhoch* (*nichthoch*), *hochdeitsch*, *hauch* (*hoch*); *anbeesrKärle* (*böserMensch*), *Schneegleggle* (*Schneeglöckchen*). Среди них можно встретить слова с исторической недифтонгизированной основой [e] или [o], либо дифтонг <au>, не имеющий отношения к рассматриваемым дифтонгам. Таким

образом, можно констатировать, что дифтонги <ao> и <ae> перестали быть первичными признаками швабского диалекта. Они не встретились ни в одном швабском или франкском источнике из Казахстана, другими словами, островной диалект прошёл тот же путь, что и диалект метрополии, т.е. устранение данных комплексов под влиянием верхненемецкой нормы.

Дифтонг <oe> также отнесён В.М. Жирмунским к первичным признакам швабского, и он действительно не имеет ничего общего с верхненемецкой нормой: *hoes*. В современных источниках этому дифтонгу соответствует близкий ему, но с повышением второго компонента *hois* и параллельно с ним употребляющийся *héiß* (*heiß*). Дальнейшее расширение швабского дифтонга *ei>ai* – это типичный пример звуковых изменений ранненововерхненемецкого периода: *zwoi* – *zwei* – *zwai*, с которым совпадает и изменение дифтонга <oe>. Таким образом, и в этом случае наблюдается влияние ранненововерхненемецкой нормы, начало которого лежит в периоде заезда первых переселенцев в Россию, и этот дифтонг также не имеет больше статуса первичного признака швабского диалекта.

Дифтонг <ui> рассматривается В.М. Жирмунским в качестве первичного признака. Он называет его результатом дифтонгизации «iu» [3: 189]. Это значит, что используемый им диграф *iu* должен обозначать монофтонг [y] (ü), что было типично для многих текстов свн. периода. В рнвн. периоде произошла верхненемецкая дифтонгизация [y:]>[ɔø]: *liute>Leute*, *iuch>euch*, *niuwe>neu*. Дифтонг <ui> не был зафиксирован ни в одном более позднем источнике. В современном швабском диалекте в Германии этот дифтонг также не сохранился: *iuch>eich* (*euch*); *fiur>fir* (*für*), *niu>nai* (*neu*). Можно привести лишь единичный пример в современном швабском: *suid* (*sieden*). Если считать рассматриваемые старошвабские диграфы в качестве дифтонгов, то их нельзя отнести ни к нисходящим, ни к восходящим. Их образуют гласные с одинаковым – высоким – уровнем подъёма языка [u] и [i]. Это значит, что их категориальным фонетическим признаком является не скользящее артикуляционное движение языка, а лабиализация или делабиализация звука [i] под влиянием соседнего [u], т.е. по сути это контактная ассимиляция гласных. В стандартной ситуации это приводит к формированию звука [y], который мог дифтонгизироваться, что отразилось и в верхненемецкой графике, например: *iu>u>oi* – двн. *diutisk>свн. dütisch>рнвн. doitsch, deutsch*. В швабском диалекте процесс ассимиляции по типу лабиализации не состоялся, вместо этого произошло образование дифтонга <éi> *deidsch*; *eich* (*euch*) с разным по степени открытости первым компонентом <e>. Подводя итог, можно сказать, что дифтонг <ui> как таковой в своей исходной форме в швабском диалекте утрачен, однако, сменившие его звуковые комплексы сохранили свою специфику, позволяющую рассматривать их как маркеры этого диалекта.

Дифтонг <äε>. В работе В.М. Жирмунского среди первичных признаков швабского диалекта этот дифтонг описан как результат дифтонгизации краткого открытого <ä> в словах типа *recht, besser*. Однако отсутствие примеров звучания и специального обозначения в транскриптах текстов не позволили выяснить судьбу этого дифтонга. Единственный удачный пример в звуча-

щем словаре швабского диалекта «zrächd» произнесен как стандартное *z(u)recht*.

Остальные дифтонги швабского диалекта были отнесены В.М. Жирмунским ко вторичным признакам, т.е. имеющим меньшие отклонения от стандарта. Однако, их рассмотрение может дать новую информацию для понимания истории и тенденций развития швабского диалекта в условиях языкового острова.

Дифтонг <au>. Можно предположить, что этот вокалический кластер развивается в направлении стандартного дифтонга [ao], в написании «au». В.М. Жирмунский не приводит примеров этого дифтонга для начала XX века. Анализ источников второй половины XX столетия показал, что в немецком языке г. Павлодара (Казахстан) используется слово *aog* – *Auge*. Одновременно в том же источнике зафиксирована форма *ougen*. В швабских источниках в Германии зафиксирована только форма *Aug*: *Aus de Auga*, *aus'am Senn* (*Aus dem Auge*, *aus dem Sinn*). Дифтонг <au> имеет в немецком языке два источника: расширение узкого свн. дифтонга [ou]: свн. *Houbet*>(iwr)*haupt* – *überhaupt* (Поволжье), свн. *louf*>совр. шваб. *lauf*, свн. *frou*>совр. шваб. *Frau*. Вторым предшественником дифтонга <au> является долгий гласный <u>: свн. *buwen*>*gbaut* (Павлодар), свн. *bur*>совр. шваб. *Baura*, свн. *rus*>совр. шваб. *raus*, свн. *su*>совр. шваб. *Sau*. Аналогичный дифтонг встречается и во франкских диалектах, которые активно контактировали со швабским в России: юж. фр. *du braugst* (*brauchst*), *mou* (*muss*), *wou* (*wo*) и др.

О нерегулярности дифтонгизации долгого [u>au] свидетельствует наличие в современном швабском таких высокочастотных слов, как предлог *auf* – совр. шваб. *uf*. Все это говорит о том, что дифтонг <au> развивался в островных швабских диалектах под влиянием контактов с другими диалектами, в частности, франкским, на юге России и в Крыму, а также под влиянием фонетического стандарта метрополии.

Дифтонги <ia, ié> являются в отличие от стандартных понижающимися и различаются лишь степенью опускания языка от [i] к [e] и [a]. Основная тенденция функционирования этих швабских дифтонгов – это их сохранение в варианте <ié>: *liéb* (начало XX века), *fliegen* (конец XX века, Казахстан), *liegd*, *lieba*, *wiedr* (совр. шваб. в Германии). В стандартном немецком языке этому дифтонгу соответствует долгий монофтонг [i:]. В связи с этим появление в ряде швабских источников Кавказа и Казахстана форм *miasa* и *iéber* вместо *müssa* и *übr* (*müssen*, *über*) можно объяснить внешним влиянием, например, со стороны франкского диалекта, в котором можно встретить формы типа *diechl* вместо швабского *Duch* (*Tuch*). Определённую сложность при описании этих дифтонгов в любом диалекте без кодифицированной письменности представляет вопрос, являются ли настоящими дифтонгами [ié] / [ië] или скользящими дифтонгоподобными реализациями монофтонга [i:] как [iə].

Дифтонги <ua> и <ue> сохранились в швабском диалекте практически без изменения. Эти старые дифтонги употребляются в различных источниках без какой-либо дифференциации: *guad*, *gued* в диалектных островах и *guad*, *gued*, *Muadr* (*gut*, *Mutter*) в Германии. В стандарте этим дифтонгам соответствует монофтонг [u]. Отдельные отклонения объясняются наличием лексических дуплетов. Так, глагол *fuadera* в значении *füttern*, в основе которого лежат

две лексемы: двн. *foutar*, производная от готского глагола *fodjani*-класса, что обусловило умлаут в современном стандартном глаголе. Форма без умлаута соответствует заимствованию из французского – *futterage*, т.е. соответствие швабского <ua> и стандартного [ü] в данном примере случайно.

Дифтонг <oi> встречается в швабских источниках конца прошлого века в Казахстане и на Алтае: *koⁿ, zwoi, gloⁿ (kein, zwei, klein)*. В отличие от стандартной вокалической системы этот швабский дифтонг не является результатом регрессивной ассимиляции под влиянием краткого [I] последующего слога: [u>y // I] или дифтонгизации долгого гласного [y:]. В современном немецком языке этому дифтонгу соответствует широкий дифтонг [ae]: *oi Oi (ein Ei), oimol (einmal), woich (weich), zwoi (zwei), Gloid (Kleid)*.

Дифтонг <ei>. Данный дифтонг не имеет ничего общего с описанным выше дифтонгом <ae>, имеющим статус первичного признака диалекта по терминологии В.М. Жирмунского. Анализ примеров звучания слов в словаре швабского диалекта позволил установить ряд вариантов произнесения этого дифтонга (см. сайт словаря [7]):

- аналогично стандартному [ae]: *beiDag, gscheidr (gescheit), -keit (Suffix), vrheiradeds (verheiratet); Eich (Euch)*;

- сужение второго компонента до [i] и даже [j], как правило, в позиции главного ударения в предложении: *Aguads Neis! [najs] (Gutes Neujahr!), Bollezei [bolezaj] (Polizei), Wenn Wassr Waiwär, wia woll dadd' Weibr d'Windla wäscha (Wenn Wasser Wein wäre, worin sollten dann die Frauen (Weiber) die Windeln waschen)*;

- сужение первого компонента до [æ], и даже [e]: *Arbéida, séiⁿ, Wéib*.

Дифтонг <ie> является нестабильным вариативным вокалическим комплексом. С одной стороны, он соответствует свн. дифтонгу [ié] с различными вариантами произношения: *wiëbidde [wiə] (Wiebitte?), fliega (fliegen), ausanandrfliega, fliagsch (fliegst), siasenn, sesenn (siesind), diasenn (diesind); Waschaffadsiadenn [zi:]?* С другой стороны, он реализуется как монофтонг [i:]: *liega [li:ga] (liegen), blieba (geblieben), iebbrig [i:brig] (übrig)*.

Заключительные замечания

Рассмотрение фонетических процессов в швабском диалекте российских языковых островов позволило сделать ряд выводов

1. Швабский диалект Крымских переселенцев из Германии прошёл сложный путь развития в условиях преследования и принудительного переселения немецкого населения в течение нескольких десятилетий с начала 40-ых годов прошлого столетия. Многие переселенцы потеряли контакты с землячествами, оборвались культурные, религиозные и языковые связи. Длительное время отсутствовала связь с языком исторической родины. Существование в качестве одного из многочисленных диалектных островов, их смешение и влияние социально-экономической и политической обстановки могли привести к почти полной утрате диалекта и языка в целом.

2. Привлечение для анализа швабского диалекта немецкого населения Крыма источников языкового материала (транскрипты интервью, списки слов) из различных регионов СНГ, а также аналогичных материалов и словарей, в том числе звуковых, созданных в последние годы в Германии, позволило

сделать выводы о языковой ситуации в динамике: описать срезы фонетической подсистемы дифтонгов в первой и второй половине XX в. и сопоставить их с современной системой швабского диалекта в Германии.

3. Анализ материала показал, что швабский диалект утратил так называемые первичные признаки в фонетической системе как в Германии, так и в языковых островах. Это свидетельствует о том, что начало перемещения переселенцев из Германии в Россию совпало с активными фонетическими процессами ранненововерхненемецкого периода. Любой подобный процесс носит системный характер, и поэтому он получил продолжение и завершение практически аналогичные изменениям в языке метрополии.

4. Материал исследования свидетельствует о том, что на систему швабского диалекта значительное воздействие оказали стандартная система и фонетические процессы смежных диалектов, прежде всего южнофранкского. На смену дифтонгам, имевшим статус первичных признаков, пришли другие, ставшие маркерами швабского диалекта. Островной диалект сохранил практически без изменения старые дифтонги [ua, ue] и модифицировал узкие дифтонги типа [ié] / [ië].

Определённую сложность при диахроническом описании дифтонгов в любом диалекте без кодифицированной письменности представляет вопрос, являются ли настоящими дифтонгами или скользящими дифтонгоподобными реализациями. Решение этой проблемы лежит в использовании возможностей акустического анализа диалектной речи.

Список литературы

1. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. 138 с.
2. Егембердиева Г.М. Фонетические особенности швабского диалекта // Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая, № 4–5 (128–129), 2010. С. 53–59.
3. Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Т. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 179–220.
4. Maier H. Schwäbisch oder fränkisch? Mundart im Raum Heilbronn. Justinus-Kerner-Gymnasium Weinsberg. <http://www.projekte-regional.de/inhalt/hn/bausteine/mundart.pdf>
5. Näser W. Mundartprobe: 23. Schwäbisch. <https://www.staff.uni-marburg.de/~naeser/probe23.htm>
6. Rosenberg P. Die Sprache der Deutschen in Russland. – Frankfurt (Oder): Europa-Universität, 2001. 43 s. <http://www.kuwi.europa-uni.de/de/lehrstuhl/sw/sw1/mitarbeiter/rosenberg/russland.pdf>
7. Schwäbisch schwätza: Alles rund um Schwäbisch und Schwaben. https://www.schwaebisch-chwaetza.de/schwaebisch_lexikon.html?q=8217

THE SWABIAN DIALECT IN THE CRIMEA: TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF PHONETIC SYSTEM

V.M. Bukharov¹, O.V. Baikova²

National Research University
Higher School of Economics in Nizhny Novgorod¹

Vyatka State University²

The article describes the phonetic system of the Swabian dialect in the Crimea under the conditions of multiple migrations of the population and mixing with other dialects. The structure of diphthongs is reconstructed in comparison with the modern Swabian dialect in synchronous and diachronic aspects.

Keywords: *language island, the Swabian dialect, dialect features, diphthongs, dialect interaction*

Об авторах:

БУХАРОВ Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, руководитель Департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики в Нижнем Новгороде, e-mail: vbuharov@hse.ru

БАЙКОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Вятский государственный университет, e-mail: olga-baykova@yandex.ru